

М. Д. Ахундов
Л. Б. Баженов - **У истоков**
идеологизированной
науки

Мурад Давудович Ахундов, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии АН СССР. Область научных интересов — философские проблемы естествознания, логика и методология науки. Автор монографий: Проблема прерывности и непрерывности пространства и времени. М., 1974; Пространство и время в физическом познании. М., 1982; Akhundov M. D. Conceptions of space and time: sources, evolution, directions. Cambridge (Mass.), London, 1986.

Лев Борисович Баженов, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник того же института. Специалист в области философских вопросов естествознания и методологии науки. Автор книг: Философия естествознания (в соавторстве с К. Б. Морозовым и М. С. Слуцким). М., 1966; Строение и функции естественнонаучной теории. М., 1978.

СРЕДИ многочисленных вопросов, активно и страстно обсуждаемых на страницах нашей печати, видное место занимает вопрос о судьбах советской науки. Во многих печатных органах появились статьи, в которых рассматриваются трагические события, связанные с генетикой, цитологией, физиологией, лингвистикой, кибернетикой, релятивистской физикой, квантовой химией... Трудно назвать область фундаментальной науки, которая не испытала бы пагубного воздействия идеологического давления и не понесла бы где меньших, где больших потерь.

Господствующей на Западе оценкой судеб советской науки является тезис о разрушительном влиянии марксистской философии

на развитие науки. Настало время внимательно разобраться в этом вопросе.

ФЕНОМЕН ИДЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ НАУКИ

Прежде всего введем понятие **феномена идеологизированной науки**, который можно охарактеризовать следующим образом.

Марксизм выдвинул три положения, определяющих статус науки: социальная природа науки; воздействие философии (шире — идеологии) на науку; объективный статус науки.

Эти положения, на наш взгляд, безусловно верные, вместе с тем, как и все в мире, допускают одностороннее истолкование. Тезис о социальной природе науки утверждает, что наука возникает лишь в обществах определенного типа, что она несет на себе печать того общества, которое вызвало ее к жизни. Второе положение означает, что философские установки ученых влияют на создаваемые ими концепции. В деятельности того или иного ученого они могут определять и часто определяют главное направление его работы. Первые два положения всегда должны рассматриваться в неперенном единстве с третьим — признанием науки системой объективного знания. Забвение этого положения, отказ от него или сомнение в нем и ведет к феномену идеологизированной науки. Тогда и возникают наука пролетарская, арийская или исламская. Суть здесь не в конкретной идеологии, а в искажении объективного содержания науки, которая начинает обслуживать идеологическую схему, те ценности, которые в данной идеологии почитаются за основные (религиозные — в исламе, расовые — в нацизме, классовые — в марксизме). Во всех подобных случаях идеология задает уже не только нормы поведения или мировоззрения ученых, но и претендует на более глубокое проникновение в науку.

Подобная идеологизированная наука (или призывы к ее построению) появляется, как правило, в рамках «нового общества» или «нового порядка», которые устанавливаются после свершения социально-политической революции (любого другого глобального социального изменения). Это легко понять, если учесть, что наука возникла и развивалась в буржуазном христианском обществе, а «отрицание» ценностей и идеологии этого общества лежит в основе современных революций (пролетарской, исламской и т. д.). В этой ситуации вполне естественной выглядит постановка вопроса об отношении революционного общества к науке, созданной и развитой в дореволюционный период, а потому испытавшей на себе «тлеворное» воздействие старой, дореволюционной идеологии.

Конечно, «новые общества» XX в. были кровно заинтересованы в развитии науки, ибо им предстояла экстренная модернизация экономики, немалая без развития объективной науки. Однако вновь и вновь почти всякое «новое общество» в первую очередь стремится создать свою собственную преданную и единственно правильную, т. е. в конечном счете, идеологизированную науку.

МАРКСИЗМ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Причастен ли марксизм к феномену идеологизированной науки? В известном смысле — да. Ведь «под знаменем марксизма» свершилась Октябрьская революция и были созданы те политические условия, в которых впоследствии расцвел этот феномен. Да и основным инструментом идеологизации стала определенным образом препарированная марксистская философия.

И все же принципиальный ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Во-первых, политические структуры, породившие идеологизированную науку в нашей стране, явились не адекватным выражением социализма, а его грубым извращением; во-вторых, марксистская философия, послужившая инструментом идеологизации науки, была марксистской лишь по названию. По сути она сама подверглась своеобразной «идеологизации» и претерпела не меньший ущерб, чем наука.

Какова же действительная взаимосвязь марксизма с естествознанием? В отличие от традиционной умозрительной философии, претендующей на роль «науки наук», и позитивизма, провозгласившего ненаучность философии вообще, в марксистском понимании философия предстает как «мировоззрение, которое должно... проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках»¹. Она не должна диктовать естествознанию, какие результаты оно должно получать, указывать, какими должны быть его теории по конкретному содержанию, пытаться открыть в предметных областях физики, химии, биологии и т. д. нечто такое, что сами эти науки открыть не могут. Философия должна стать школой теоретического мышления, общим инструментом, общей методологией научного познания. Классики марксизма всегда последовательно отстаивали объективный статус и высокое признание науки.

Анализируя новейшую революцию в естествознании, В. И. Ленин нигде не пытается оспорить или подвергнуть сомнению сами физические результаты. Красной нитью через весь «Материализм и эмпириокритицизм» проходит мысль автора о том, что его интересуют исключительно и только гносеологические выводы из новейших открытий физики. Признание за физиками идеалистической философской ориентации, способно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 142.

сти успешно работать в физике выражает глубокую убежденность Ленина в объективности содержания науки, во внутренней враждебности этого содержания идеалистической ориентации, в невозможности со стороны «физического» (и любого другого «научного») идеализма это объективное содержание из науки удалить.

Отметим, что в последующие годы «в развитии Ленина» неоднократно выдвигался тезис, что по сравнению с 1908 г. (когда был написан «Материализм и эмпириокритицизм») кризис капитализма пошел дальше и что теперь уже идеализм связан не только с гносеологическими выводами из науки, но и проникает в самую ее суть, что в буржуазных странах мы сплошь и рядом встречаемся уже не с науками, из которых делаются реакционные философские выводы, а с реакционными философскими концепциями, лишь маскирующимися научной терминологией. Эта антинаучная и антимарксистская позиция сформировалась и приобрела угрожающие (не только для науки и философии) масштабы в период сталинизма. Она резко противоречит марксистско-ленинской позиции дореволюционного периода, возврат к которой произошел лишь после XX съезда КПСС, на I Всесоюзном совещании по философии естествознания (1958).

Не претендуя на охват всей проблемы, свою задачу в этой статье мы видим в том, чтобы рассмотреть, что же произошло в 20—30-е годы в нашей стране во взаимоотношении естествознания и философии. Анализ событий и процессов, имевших место в науке и философии в этот период, позволяет понять, как происходил отход от марксистско-ленинской концепции.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Октябрьская революция открыла совершенно новую эпоху в истории человечества. После завоевания политической власти и ее упрочения в ходе гражданской войны и разгрома интервенции перед страной встали задачи строительства нового общества, а тем самым и определения отношения к старому обществу и его идеологии.

С одной стороны, важной задачей этого периода оказывается привлечение старой дореволюционной интеллигенции на сторону новой власти. Ленин рассматривал это как одну из пяти новых форм классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата. («Использование буржуазии. Спецы».)

С другой стороны, строители нового общества постоянно нацелены на ниспровержение старого, на утверждение нового, передового. Революционный энтузиазм, пафос созидания пронизывает всю идейную атмосферу начала 20-х годов. И в этой обстановке, на наш взгляд, неизбежно должны были появиться сначала незначительные, а затем все большие перекосы, искажения, упрощения. В сфере культуры эта тенденция выразилась в Пролеткульте — движении, отвергавшем всю прошлую культуру как порождение эксплуататорского общества.

Наука — один из важнейших элементов человеческой культуры, и дискуссии об отношении к культуре буржуазного общества касались ее не в меньшей степени, чем литературы или искусства. Как уже отмечалось, в марксизме была выработана ясная позиция о соотношении науки и идеологии (прежде всего, философии). Однако эта ясность, вполне достаточная на общетеоретическом уровне, терялась при соприкосновении с жизненными реалиями в идеологически окрашенной атмосфере того времени. Так, некоторые требовали ликвидировать буржуазную идеологическую нагруженность науки, дабы потом нагрузить ее идеологией пролетарской. Раздавались даже призывы вообще отказаться от буржуазной науки и ее теорий (экспериментальные факты дозволялось оставить, ибо они теоретически и идеологически не нагружены и близки к промышленному производству, т. е. к пролетариату) и с самого начала строить свою, «пролетарскую» науку. Наконец, пролетарская идеологизация науки проходила под лозунгами «Долой философию!» и «Долой идеологию!»

Для успешной борьбы с буржуазной идеологией, за привлечение на сторону партии прежде всего молодежи в 1922 г. создается журнал «Под знаменем марксизма». В одном из первых номеров журнала (№ 3) публикуется программная статья Ленина «О значении воинствующего материализма». Работа эта настолько часто разбиралась и анализировалась в нашей литературе, что нет смысла заниматься этим еще раз. Отметим лишь, что в вопросах взаимоотношения естествознания и философии Ленин исходит из ранее развитых им в «Материализме и эмпириокритицизме» установок, противоположных концепции идеологизации науки. И в этом смысле последующие ссылки на Ленина как «механистов» и «диалектиков» в 20-е годы, так и пришедших им на смену «молодых икапистов» в 30-е годы — не говоря уже о лысенковцах в 30—40-е годы — не выдерживают никакой критики.

«МЕХАНИСТЫ» и «ДИАЛЕКТИКИ»

В 20-е годы внутри марксизма сформировались два лагеря — «механисты» и «диалектики», которые выступали с бурными взаимными упреками, вели острые дискуссии по проблемам философии естествознания, в частности о том, что делать с «буржуазной» наукой и как развивать науку «пролетарскую». Этим проблемам в то время вообще уделялось огромное внимание, ибо они приобрели особую актуальность в связи с грандиозными планами социалистического строительства, электрификации, реконструкции народного хозяйства, желанием «догнать и перегнать» развитые капиталистические страны. Организовывались различные институты, секции, академии, которые были призваны решать философские вопросы науки и техники.

Во главе двух направлений стояли исследователи, многие из которых пришли в марксизм и революционное движение в конце XIX — начале XX вв., получили хорошее философское образование, играли активную роль в Октябрьской революции и затем занимали высокие государственные, партийные и научные посты. Среди них Л. И. Аксельрод (Ортодокс), И. И. Скворцов-Степанов, А. М. Деборин и другие. Так что это было идейное противостояние двух профессионально образованных марксистских группировок, в которые входили и профессиональные естествоиспытатели (И. И. Агол, Б. М. Гессен, С. Г. Левит, А. К. Тимирязев и др.). В чем же состояла суть их представлений и сколь принципиальны были их разногласия?

Исходными посылками «механистов» и «диалектиков» были общепризнанные положения марксизма начала 20-х годов. Например, все соглашались, что самые основы буржуазного общества охвачены кризисом и этот кризис буквально подтачивает фундамент буржуазной науки, которая склоняется к философскому идеализму и даже теологии. Кризис подтачивал основы буржуазного общества и в XIX в., но особенно обострился в преддверии мировой пролетарской революции, которая так победоносно началась у нас в России. В этой кризисной обстановке буржуазия выступает реакционным классом, неминуемая гибель которого заставляет буржуазную науку не отыскивать истину, а искажать ее в угоду классовым интересам.

Эти представления мы встречаем в публикациях журнала «Под знаменем марксизма» уже в 1922 г., например в статье

А. А. Максимова «О принципе относительности А. Эйнштейна», где он пишет, что «буржуазная наука не только не постигает по существу имеющийся опытный материал, но постигает его в извращенном виде, дает ему толкование, навязывающее то взаимоотношение между фактами, которого в действительности нет, но которое соответствует прочим идеологическим формам данной стадии развития общества». И далее автор проводит демаркационную линию внутри самой буржуазной науки: «Если конец XVIII и начало XIX века характеризуются тем, что естествознание одевается в материалистический (метафизический) костюм и служит целям революции, потому что еще революционна и сама буржуазия, то уже к концу XIX века на сцену выступает естествознание, облеченное уже в идеалистическое одеяние, соштанное Махом, Пирсоном и их союзниками и потерявшее в этом одеянии революционный характер»².

В 1922 г. советские философы-марксисты и естествоиспытатели-материалисты еще не разделились на «диалектиков» и «механистов», хотя первые шаги к этому уже были сделаны. Так, приведенные цитаты характерны для доктрины «диалектиков» (Максимов был учеником Деборина — явного лидера «диалектиков»³). Последователи этого направления, сформировавшегося уже к середине 20-х годов, придавали большое значение изучению диалектики Гегеля (к чему призывал и Ленин в своей программной статье «О значении воинствующего материализма»), развитию материалистической диалектики как методологии современного естествознания, разработке диалектической логики — логики современной теоретической науки, которая должна сменить старую формальную логику, удовлетворяющую эмпирическую науку предшествующего периода.

Что же касается «механистов», то в философии и естествознании это течение существовало задолго до Октябрьской революции и изначально не было связано с марксизмом. Дело в том, что многие ученые так и не смогли смириться с крахом механицизма в ходе развития ряда теорий «неклассического» естествознания (в первую очередь, теории электромагнетизма, теории относительности, квантовой теории). Развитие подобных теорий выявило неуниверсаль-

² Максимов А. А. // Под знаменем марксизма. 1922. № 9-10. С. 206.

³ Это, однако, не помешало Максимова в начале 30-х годов сыграть активную роль в разгроме «деборинцев». См.: За поворот на фронте естествознания. М.; Л., 1931.

ность и неуникальность механической исследовательской программы, невозможность редукции всего природного многообразия к механике и механическим моделям. Для многих ученых крах механицизма ассоциировался с крахом науки и материализма, что заставляло их вести ожесточенные бои с передовыми теориями и побуждало к построению им взамен механистических паллиативов. Например, А. К. Тимирязев выступал против теории относительности Эйнштейна еще до Октябрьской революции. Когда же в рамках марксизма сформировалась концепция «механистов», он не просто примкнул к ней, но стал одним из ее лидеров, привнес в нее ряд важных физических аргументов.

Определенной вехой в развитии концепции «механистов» послужила книга Скворцова-Степанова «Исторический материализм и современное естествознание». Там, в частности, говорится: **«Современная наука по своему общему характеру является последовательной продолжательницей научных воззрений XVIII века. Строго критические наблюдения и опыт (эксперимент) являются в ее глазах единственными средствами познания мира»**⁴. Таким образом, Скворцов-Степанов обосновывает «механицизм» своего рода **«принципом идеологического соответствия»**: наука революционного пролетариата — преемница науки революционной буржуазии XVIII в., т. е. классической механики. Стало быть, наука XX в. есть завершение и величайшее творчество механицистского понимания природы, что проявляется в справедливости закона сохранения энергии в области неживой и живой природы. «Механисты» не сомневались в возможности аналогичного подхода и к изучению социальных явлений.

Исходя из этих установок, «механисты» пересмотрели все достижения современного естествознания, которые в какой-то мере подрывали устои механицизма. Например, Тимирязев предупреждал, что если не удастся свести термодинамику к механике, то «тепловая смерть» Вселенной неизбежна: «Если мы не будем пытаться сводить тепловые явления к механике, нам выхода нет, и остается только наблюдать, как наука подводит незабываемый фундамент под роскошный попов о конце мира и втором пришествии...»⁵ Он обвинял в обскурантизме и попытке затормозить развитие живой науки

даже М. Планка, который отрицал возможность сведения тепловых явлений к механике. Отношение Тимирязева и других «механистов» к теории относительности было резко отрицательным. Более негативное отношение к ней выразил лишь журнал «Крокодил», который откуда-то перепечатал карикатуру на Эйнштейна и сопроводил ее следующей подписью: «Эйнштейн изобрел научную теорию, которая противоречит физике и геометрии, а потому она буржуазна и пролетариату не нужна». Об этом рассказал О. Ю. Шмидт, выступая на обсуждении одного из многочисленных анти-эйнштейновских докладов Тимирязева «Теория относительности Эйнштейна и махизм»⁶.

Научная критика теории относительности со стороны «механистов» сводилась к наивным и туманным рассуждениям о движении шаров или цилиндров в эфире и т. п., которые не шли ни в какое сравнение со стройной логикой теории Эйнштейна. Если бы «механисты» и «диалектики» сумели творчески подойти к критике друг друга, это, безусловно, пошло бы на пользу развитию марксистской философии естествознания. Но дело стало принимать другой оборот. Оппоненты переходили от критики отдельных положений в работах «конкурентов» к попыткам доказать общую несостоятельность конкурирующего направления, обвиняя его в ревизии марксизма.

Эти обвинения начались, по всей видимости, с дискуссии 18 мая 1926 г. в Институте научной философии. Аксельрод выступила с критическими замечаниями по докладу о философии А. Бергсона, а что было дальше, она сама излагает следующим образом: «А. Деборин разразился шумливой речью, исказившей с начала до конца самым недопустимым образом все содержание моего выступления, заявив важно и категорически о существовании двух групп: одна из них состоит из «ортодоксальных марксистов», возглавляемых им, «ортодоксом» А. Дебориным, а другая из «ревизионистов», к которым причисляюсь я»⁷. Далее Аксельрод поясняет, что никакого раскола она раньше не видела, ибо писания Деборина представляют собой сплошную эклектическую путаницу понятий и не могут рассматриваться как философское направление. Но теперь она пересмотрела свои представления (ситуация в стране и партии была достаточно острая, чтобы на обвинение в ревизионизме

⁴ Степанов И. Исторический материализм и современное естествознание. М.; Л., 1926. С. 25.

⁵ Механическое естествознание и диалектический материализм. Вологда, 1925. С. 20—21.

⁶ См.: Вестник Коммунистической Академии. 1924. № 7. С. 366.

⁷ Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Мой ответ // Диалектика в природе. Сб. 2. Вологда, 1927. С. 301.

не ответить встречным обвинением): «...подлинным ревизионизмом является все то, что теперь пишется А. Дебориным и его учениками. Эта новая разновидность ревизионизма представляет собой самую вредную разновидность, потому что она прикрывается громкой ортодоксальной фразой»⁸.

В этой ситуации «механисты» начинают уделять большое внимание не столько разработке своей доктрины, в которой речь, скорее, шла о выяснении отношения механицизма к различным научным теориям и концепциям, например дарвинизму, фрейдизму и т. д., сколько критике концепции «диалектиков» (те же самые ошибки «диалектиков» критикуются во многих работах «механистов») и выяснению сути возникших разногласий. «Механисты» усиленно раздувают в печати миф о том, что «диалектики» — это «абстрактные философы», которые на основании философии Гегеля судят обо всем, не зная ничего. В частности, Аксельрод писала: «Благодаря универсальности закона диалектики является возможность говорить обо всем, ничего не зная, говорить об абстрактных терминах, придавая ученой видимость полной бессодержательности. Наблюдая этот процесс, можно сказать, что никто не может так хорошо и так тщательно скрыть свое невежество, как абстрактный философ»⁹. «Механисты» призывают «диалектиков» не ограничиваться изучением Гегеля, но приобретать глубокую подготовку по естествознанию. «Целесообразнее всего,— говорится в передовой статье «Марксистское мировоззрение и индустриализация страны», помещенной в рупоре «механистов» — сборнике «Диалектика в природе», — если о диалектике в физике дает положительные исследования физик-марксист, в биологии — биолог-марксист. Не нужно воображать, что кто-нибудь на основании изучения логики Гегеля может писать о любом предмете»¹⁰.

Трудно не согласиться с этими пожеланиями «механистов», но они исказили реальную ситуацию, создавая иллюзию того, что «диалектики» представляли собой скопище абстрактных гегельянцев. На самом деле среди «диалектиков» было очень много (наверное, больше, чем среди «механистов») профессиональных естествоиспытателей-марксистов. Образ абстрактного гегельянца писался, видимо, с лидера «диалектиков» Деборина. Но и здесь «механисты» часто оказывались в неловком положении (хотя

Деборин был далеко не безгрешен, и в его работах, конечно же, можно найти ряд сомнительных и ошибочных положений). Так, они неоднократно высмеивали его представление об объективности случайности, которое тем не менее оказалось созвучным и марксизму, и современному естествознанию. А если взять доклад Деборина «Ленин и кризис новейшей физики», прочитанный 2 февраля 1930 г. на собрании Академии наук СССР, то он характеризуется достаточно профессиональным обсуждением многих важных проблем современной физики и адекватным отражением роли и места в современной науке таких выдающихся исследователей, как Эйнштейн или Планк, с чьими именами справедливо связывается грандиозная революция в физике XX в.

Однако помимо взаимных выискиваний конкретных ошибок, необоснованных интерпретаций, вздорных обвинений и т. д., были вскрыты и некоторые программные противоречия и разногласия между «механистами» и «диалектиками». Например, Тимирязев следующим образом характеризует корни этих разногласий: «Те, кого называют механистами, полагают, что изучение конкретных фактов и явлений природы и общества должно быть доведено до такой степени, чтобы диалектика этих процессов выступила из них сама... По Деборину, указания диалектики должны предшествовать исследованию»¹¹. А в редакционной статье третьего сборника «Диалектика в природе» эти представления изложены еще более четко: «Нам нужна диалектика в природе, а не выдуманная для природы конструкция. Диалектика, ее законы должны быть, в первую очередь, выводом, а не доводом в научных исследованиях»¹².

На это обвинение Деборин отвечает: «Разумеется, диалектика не есть априорная конструкция; верно, что ее надо искать и в процессах природы. Но что с ней делать после того, как наши поиски увенчались успехом и мы ее **нашли?** Не должна ли найденная диалектика стать **исходным пунктом и руководящим принципом** для наших дальнейших исследований?»¹³ В своей более поздней работе он еще четче изложил свое понимание статуса диалектики в естествознании: «Современная наука, в частности физика, расшатала основы формально-логического мышления и механических воззрений на мир. Новые понятия, в которых нуждается наука, могут

⁸ Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Ответ на «наши разногласия» А. Деборина // Красная Новь. 1927. Кн. 5. С. 159.

⁹ Там же.

¹⁰ Диалектика в природе. Сб. 3. Вологда, 1928. С. 16.

¹¹ Там же. С. 44—45.

¹² Там же. С. 17.

¹³ Деборин А. Диалектика и естествознание. М.; Л., 1929. С. 354.

быть выработаны только **логикой диалектики чечской**. Кризис современной физики может быть преодолен путем сознательного применения метода диалектического материализма, для развития и обоснования которого в наше время так много сделано Лениным. Для Ленина диалектический материализм являлся единственным объективно-научным методом познания и орудием изменения мира»¹⁴.

В этих представлениях о роли и функции диалектики в современном естествознании есть много здравых мыслей, и они, в той или иной степени, имеют право на существование и реализацию, что и произошло в 60—80-е годы. Что же касается самих «механистов» и «диалектиков», то их вполне можно было бы организовать в виде двух секторов Отдела диалектического материализма Института философии АН СССР. Во всяком случае, многочисленные дискуссии между представителями этих направлений, проходившие в 1925—1928 гг., хотя и сопровождались обвинениями в ревизионизме, но скорее вели к взаимной коррекции доктрин, и можно было прогнозировать их весьма длительное противостояние, не исключавшее возможности сближения точек зрения или даже их синтеза. Но все кончилось внезапно.

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ»

В апреле 1929 г. состоялась Вторая всесоюзная конференция марксистско-ленинских учреждений, подытожившая четырехлетнюю дискуссию «механистов» и «диалектиков». Вот как эти итоги излагаются в передовой статье журнала «Под знаменем марксизма»: «Конференция, в которой участвовали представители всех крупнейших научно-исследовательских учреждений страны пролетарской диктатуры, **единодушно** характеризовала механистов как течение, представляющее «явный отход от марксистско-ленинских позиций в философии». За эту резолюцию голосовали представители таких учреждений, как Коммунистическая Академия, Институт Ленина, Институт Маркса и Энгельса, Институт Красной Профессуры и т. д.»¹⁵.

Важно подчеркнуть, что «механисты» потерпели поражение не в результате какой-то сокрушительной критики представле-

ний этого направления (поэтому их воззрения впоследствии оказалось нетрудно реанимировать, например, в «учении» Т. Д. Лысенко). «Диалектики» не выдвинули каких-либо новых естественнонаучных или философских аргументов, хотя тон их критики стал более резким, а обвинения носили более общий характер. Речь шла не столько о разногласиях между «механистами» и «диалектиками» по философии естествознания, сколько уже о противопоставлении механистических представлений общей доктрине марксизма и коммунизма. «Диалектики» хотя и праздновали победу над «механистами», но крах механистического направления носил не столько научно-философский, сколько политический характер.

Все объясняется тем, что в 1929 г. в полку «механистов» прибыло — в их ряды был зачислен Н. И. Бухарин и многочисленные реальные и мнимые его сторонники по «правой оппозиции». При этом следует учитывать, что уже ноябрьский (1928 г.) Пленум ЦК партии призвал к решительной борьбе с правым, откровенно оппортунистическим уклоном как главной опасностью, указав также, что нельзя ослаблять борьбу и против троцкизма. Непримиимо бороться против оппортунистических уклонов в партии на два фронта и с примиренчеством с ними — такова была директива пленума. А в апреле 1929 г. (одновременно со Второй конференцией марксистско-ленинских учреждений) прошла XVI партийная конференция, которая осудила политические взгляды «правых» как несовместимые с генеральной линией партии. Ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК признал пропаганду взглядов правых оппортунистов несовместимой с пребыванием в партии и вывел Бухарина из состава Политбюро «как застрельщика и руководителя правых капитулянтов».

Среди многочисленных «грехов» Бухарина и связываемой с ним правой оппозиции было и увлечение механицизмом — именно так расценивались бухаринская теория равновесия, его теория производительных сил и т. д. В 1939 г. вышел в свет «Краткий философский словарь» (под редакцией М. Розенталя и П. Юдина), где сообщалось: «Одним из "столпов" механистического материализма был организатор фашистских шпионов, поборник капиталистической реставрации — Бухарин»¹⁶. В результате всех этих событий ряды «механистов» стали быстро таять.

Однако крах «механицизма» как фило-

¹⁴ Деборин А. Ленин и кризис новейшей физики. М., 1930. С. 29.

¹⁵ Под знаменем марксизма. 1929. № 10-11. С. 1—2.

¹⁶ Краткий философский словарь. М., 1939. С. 196.

софской платформы правой оппозиции означал сигнал тревоги и для самих «победителей», т. е. для «диалектиков» — ведь бой был объявлен на два фронта. Горькую чашу предстояло испить и левой оппозиции, которая связывалась с именем Л. Д. Троцкого. Правда, «диалектики», выступая против правых «механистов», претендовали на роль ортодоксальных марксистов, но это место уже было прочно занято самим Сталиным. Оставалась вакантной лишь роль философской платформы левой оппозиции — и эту роль предстояло сыграть «диалектикам», которых стали, соответственно, именовать «меньшевиствующими идеалистами».

Дискуссии «механистов» и «диалектиков», при всех ошибочных утверждениях с той или другой стороны, сначала протекали в рамках идейно-научной борьбы. Но в конце 20-х годов ситуация резко меняется: и те, и другие получают политическую оценку. Их воззрения, в конечном счете, возводятся к Бухарину и Троцкому, а сами они обвиняются уже не в идейных ошибках, а во вредительской деятельности.

В декабре 1930 г. Сталин встречается с группой «молодых икапистов» (слушателей Института красной профессуры) и дает им «боевое задание». Вот как формулирует его один из участников встречи: «Беседа товарища Сталина с бюро ячейки ИКП философии и естествознания явилась переломным моментом во всей борьбе с деборинщиной. Товарищ Сталин указывал, что необходимо разворошить и перекопать весь хлам, который накопился в вопросах философии и естествознания, разворошить все, что написано деборинской группой, все, что есть ошибочного на философском участке... С гениальной прозорливостью, с величайшим умением разоблачать всякую маскировку врага, какой бы тонкой и завалированной она ни была, товарищ Сталин раскрыл меньшевистскую сущность воззрений деборинской группы... задачу борьбы на два фронта в области философии: против меньшевистствующего идеализма и против механицизма»¹⁷. Мы приводим здесь столь длинную цитату, чтобы читатель прочувствовал аромат того времени. Чеканный и суровый стиль — это уже не полемика, не идейная борьба. Нужно не дискутировать, нужно разоблачать. Вождь четко формулирует задачу: «Необходимо разворошить и перекопать весь хлам, который накопился в вопросах философии и естествознания». Тут уже не до нюансов. Надо действовать и действовать оперативно.

¹⁷ Митин М. Боевые вопросы материалистической диалектики. М., 1936. С. VI—VIII.

28 декабря 1930 г.— 6 января 1931 г. происходит печально известная дискуссия на заседании президиума Комакадемии. На ней формируется взгляд на науку, значительно более резкий, чем тот, который мог лишь смутно проглядывать в дискуссиях «механистов» и «диалектиков». Здесь четко формулируется тезис о неспособности старой буржуазной науки обеспечить социалистическую реконструкцию народного хозяйства. Нужна новая, отличная от буржуазной — советская наука. Этот тезис многократно повторяется у многих участников дискуссии, но, пожалуй, наиболее четко в заключительном слове заведующего секцией естествознания Комакадемии О. Ю. Шмидта¹⁸.

Шмидт впоследствии был участником многих легендарных арктических эпопей, стал одним из первых Героев Советского Союза, академиком, автором популярной космогонической гипотезы. В конце 20-х годов он вел небезуспешную борьбу за марксистское образование естествоиспытателей (в сотрудничестве с группой Деборина, представлявшей философское руководство Комакадемии). Эта борьба велась в сравнительно умеренных тонах. Однако, когда на дискуссии в Комакадемии Шмидт подвергся резкой критике, то, каясь в своих ошибках, он стал развивать весьма симптоматичные представления о том, что «если в период „догнать“ мы еще можем как-нибудь терпеть буржуазную науку, то период „перегнать“ имеет своим условием другую науку, которая не может быть буржуазной, а может быть только нашей наукой»¹⁹.

Подобная концепция науки свидетельствовала о произошедшем «великом переломе». Сталин видел «великий перелом» в том, что в колхозы пошел середняк. Конечно, в ином смысле, но середняк пошел не только в колхозы. Средняк пошел и в искусство, и в философию, и в науку. Точнее, ему туда широко распахнули дверь. Чтобы развивать науку, философию, искусство, надо обладать хотя бы минимумом профессиональной подготовки (не говоря уже о таких «мелочах», как талант и совесть). Чтобы

¹⁸ Секцией естествознания Комакадемии руководили также И. И. Агол, Б. М. Гессен, М. А. Левин и С. Г. Левит — все они были уничтожены в 30-х годах. Что же касается Шмидта, то его планировали «использовать» в большом деле группы террористов-троцкистов, в которую якобы входили многие выдающиеся деятели науки и культуры нашей страны. «Большого дела» не получилось, но даже не вполне удавшиеся подобные попытки влекли за собой тяжелейшие последствия для нашей культуры, например, были уничтожены В. Э. Мейерхольд, М. Е. Кольцов и др.

¹⁹ За поворот на фронте естествознания М.; Л.; 1931. С. 75.

«разоблачать, ворошить хлам», проводить в жизнь вздорные установки о «пролетарской науке», требовались только нахрапистость и бессовестность (талант тут даже мешал — «гений и злодейство — две вещи несовместные»). Разумеется, вреден для этого и высокий уровень профессиональной подготовки — он несовместим с попытками создания особой пролетарской науки.

Лозунг создания новой, коренным образом отличающейся от буржуазной, науки (как ее ни называть: советской, пролетарской, социалистической), конечно, требовал совершенно определенного типа ученого. Как известно, если у общества появляется потребность в той или иной личности, то она всегда находится. Тем более, на наш взгляд, это справедливо для личности не великой, но обладающей заданными характеристиками. Короче говоря, такой тип ученого был нужен, и он появился. Мы уверены, что читателю уже пришла на ум вполне определенная фамилия. Да, да, мы имели в виду прежде всего Лысенко. Но дело, безусловно, не в нем одном. Появился легион таких «ученых».

Возвышение Лысенко начинается в 30-е годы. На своем пути к вершинам власти в науке он тесно взаимодействовал с философией. Причем, какова лысенковская наука, такова и взаимодействующая с ней философия. Как лысенковская наука, используя биологический словарь, не становится от этого действительной наукой, так и философия (можно назвать ее митинской, так как именно М. Б. Митин от имени марксизма широко протезировал Лысенко в 30-е годы), используя марксистский словарь, была по своему действительному содержанию далека от марксизма.

Сессия ВАСХНИЛ и «торжество передовой "мичуринской биологии"» стали кульминацией той линии развития, начало которой было положено в год «великого перелома»; 30—40-е годы прошли под знаком непрерывно обостряющейся борьбы науки с лженаукой. Правда, здесь мы эти термины употребляем не в том значении, которое придавалось им тогда, а в буквальном смысле, понимая под наукой систему объективного знания, а под лженаукой — политизированные и идеологизированные конструкции, прикрытые марксистской терминологией.

Разгром генетики и торжество идеологизированной биологии задали образец для всех других наук. Конец 40-х — начало 50-х годов, пожалуй, — самый мрачный период в истории советской науки и философии. По образцу сессии ВАСХНИЛ августа

1948 г. проводится в 1951 г. так называемая «Павловская сессия» (АН СССР совместно с АМН СССР), высветившая еще одну очень важную сторону проблемы идеологизации науки. Оказалось, что не только лженаука (а la Лысенко) способна подавлять науку, но и внутри самой науки могут появляться также образования, которые способны с успехом выполнять эту постыдную роль. На наш взгляд, вина ученых-физиологов, включившихся в идеологические игры на «павловской сессии», в нравственном отношении даже превосходит вину Лысенко, так как в свое оправдание они не могут сослаться на невежество.

К счастью, для советской науки, таких «сессий» было немного. Разве что можно еще указать на чуть меньшую по размаху, но не менее вредную по последствиям, шумиху вокруг концепции О. Б. Лепешинской о рождении клеток из живого вещества, приведшую к разгрому цитологии. Но попытки проведения такого рода кампаний имелись в избытке. Акция, аналогичная антигенетической васхнилловской, готовилась в физике. В центральной прессе появилось несколько статей, в которых критиковались «идеалистические взгляды» ряда крупных физиков. Была издана книга «Философские вопросы современной физики» (1952), еще более накалявшая атмосферу. Даже трудно представить себе, в какой глубокой пропасти оказалась бы советская наука, осуществись эти замыслы. Их провал, конечно, обусловлен и объективной необходимостью в действительно научных знаниях (хотя бы для нужд обороны), но в неменьшей степени и нравственной позицией настоящих ученых, решительно отстаивавших интересы науки от идеологического давления (И. А. Рапорт — в биологии, П. Л. Капица — в физике и некоторые другие).

Феномен идеологизированной науки связан с таким включением ценностных установок самого различного толка (философских, нравственных, религиозных, политических и т. д.) в структуру («тело») науки, при котором подавляется (ограничивается, изгоняется, деформируется) сама ее основа — объективное содержание. Наука как система объективного знания перестает существовать. Ее место занимает некая наукоподобная конструкция, основным наполнением которой становятся облаченные в наряд научной терминологии идеологемы.

Необходимо сознавать, что у этого монстра есть истоки концептуальные и со-

циально-политические. Концептуально идеологизированная наука выросла из крайне вульгаризированной марксистской концепции науки. Марксизм как концептуальная система так же мало ответствен за феномен идеологизированной науки, как, скажем, материалистическое понимание истории К. Марксом — за экономический материализм и вульгарный социологизм. В социально-политическом плане истоки идеологизированной науки — в сложном и противоречивом процессе утверждения нового общественного строя в нашей стране, деформированном борьбой за власть и культом личности Сталина.

Мы рассмотрели истоки идеологизированной науки и ее крах. Однако фиаско потерпела, если можно так выразиться, лишь идеологизированная наука в ее классическом виде, связанная с требованием создания новой «пролетарской науки», принципиально отличной от «растленной» буржуазной науки. Но феномен идеологизированной науки имеет не только классовый аспект. Определяющей чертой этого феномена является обслуживание заданных установок, а не исследование реальной действительности. Конкретный характер этих установок (принципы «единственно научной философии», ведомственный интерес, националистические амбиции и т. п.) не так уж важен для характеристики феномена идеологизированной науки. Важно, что первична установка и вторичен подгоняемый под нее (и при этом неизбежно фальсифицируемый) конкретный материал. В этой ситуации и появляются шедевры типа «развитого социализма» (как было названо общество, стоящее

на грани кризиса). В этом же ряду необходимо упомянуть препарированную «национальную историю», сыгравшую немало важную роль в известных событиях в Нагорном Карабахе.

Но среди прочих разновидностей идеологизированной науки сегодня для нас особенно опасна ведомственная наука. В ней научное исследование всецело подчинено интересам соответствующего ведомства. Читателю хорошо известны наиболее масштабные и печальные ее достижения: обоснования проекта переброски стока северных рек, перекрытия Кара-Богаз-Гола, возведение ленинградской дамбы и т. д.

Главный урок возвышения и падения идеологизированной науки нам представляется в следующем. Только наука, огражденная от любых поползновений «**приспособить** науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя не ошибалась), а **извне**, к такой точке зрения, которая продиктована **чуждыми** науке, внешними для нее интересами»²⁰, — только такая наука способна выполнить свое назначение и вооружить общество и человека объективным знанием. Плодотворен только один путь: от научного исследования к принятию политических решений. Совершенно недопустим обратный — от принятых решений к их «научному» обоснованию. При таком образовании наука заменяется идеологизированной наукой, а критическое исследование апологетикой, что ведет к национальной трагедии.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 125.